

Н. С. Бабенко
Институт языкознания РАН

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА С ПОЗИЦИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДИОЭТНИЧНОСТИ ЕГО СВОЙСТВ

Современное лингвистическое знание многими аспектами обращено к этноориентированной проблематике в ее разнообразных ракурсах, которые представляют интерес в рамках этнолингвистики, этнокультурологии, этносоциolingвистики, этнопсихolingвистики и т. д. Идиоэтничность не является общепризнанным и широко используемым термином, однако его уместность не вызывает сомнений на фоне новой волны интереса к лингвоспецифичным феноменам разных языков не только под углом зрения лингвокультурологии как самостоятельной научной дисциплины (особенно в рамках национальной русскоязычной школы лингвистики), но и грамматической теории и практики, имеющих своим прямым объектом изучения строевые ресурсы языка в их идиоэтнической специфике. Явления языковой идиоэтничности рассматриваются не с позиций лингвокультуры с ее акцентами на излишней идеологизации зависимости языка и культуры, а в русле изучения уникальных особенностей грамматического строя немецкого языка, которые сложились в процессе его исторического развития и актуализируются в его современном состоянии. Автор рассматривает специфическую особенность грамматического строя немецкого языка, связанную с употреблением элемента *es* в структуре высказываний разных типов. В статье представлен опыт этнолингвистической интерпретации специфики реализации категории безличности, основным грамматическим показателем которой является элемент *es* прономинального происхождения с нулевой референцией в плане содержания, представляющий собой уникальный в своем роде ресурс грамматической системы немецкого языка и отличающийся универсальным характером использования в речевых практиках. Обращается внимание на широкое присутствие элемента *es* в структуре высказываний разных типов и на проблемные зоны изучения категориальных свойств безличности в немецком языке как явления идиоэтнического порядка.

Ключевые слова: грамматический строй языка; идиоэтничность языковых феноменов; феноменология безличности; прономинальная форма *es*; типология *es*-конструкций

1. Введение

Развитие представлений о грамматическом строе немецкого языка как некоей данности, которая отличается от собственно грамматики языка как свода правил и законов, имеет свою историю. Начало этой традиции было положено трудами Ю. Г. Шоттеля, которого называют «отцом немецкой грамматики» с акцентом на его идею о «немецкой языковой натуре», что считается первым признанием идиоэтничности в немецкой философии языка (РАДЧЕНКО 1997: 46). Позднее данная идея в том или ином виде находила отражение в самых разных воззрениях и теориях исследователей немецкого языка как языка, обладающего некоторыми специфическими качествами, которые в совокупности образуют определенную целостную данность в ее самобытных проявлениях, в том числе и на уровне грамматического строя (Sprachbau) как системы построений, опирающейся на заданные свойства, реализующиеся в речи.

Идеи Шоттеля формировались в период активной фазы становления немецкого национального языка при содействии и под влиянием движения языковых обществ XVII в. как институции идеологического, социологического и лингвокультурного порядка. Это движение, идеологом которого был Шоттель, неогумбольдтианцы рассматривают как своего самого раннего предшественника (РАДЧЕНКО 2012: 63-76). Исторически идея этничности оказалась заложенной в самом названии Deutsch ('немецкий язык'): прилагательные *theodiscus*, *teutonicus*, *diutisk* обозначали чисто языковое явление: они применялись в эпоху Каролингов (IX — X вв.) для характеристики народного языка в противоположность языку, которым пользовались ученые, а впоследствии собственного языка в противоположность языкам соседей (РАЙХМАН 2013: 33).

Представление об уникальности немецкого языка, его специфических свойствах возникло именно в недрах движения за национальный (этнический) язык, который отличается своей природной «внутренней формой», то есть некоторым внутренним своеобразием по сравнению с другими языками. Положение о внутренней форме языка, которая делает каждый язык уникальным, считается одним из наиболее оригинальных ком-

понентов в лингвофилософской концепции Гумбольдта. Эта идея связана с представлением о том, что

значимыми являются не столько различия в акустическо-графическом облике языковых выражений, сколько различия в их глубинном устройстве, то есть в грамматическом строе каждого языка и зафиксированной в нем модели мира (ДОБРОВОЛЬСКИЙ 2013: 16-17).¹

2. Явления специализации в грамматическом строе немецкого языка как признаки идиоэтничности

Язык как структура представляет собой не только и не столько рационально организованный объект, сколько реляционные отношения его единиц, где структура как способ бытия языка (РЕВЗИН 2007) обнаруживает разного рода движения, перемещения внутри себя. Специализация языковых средств является одной из форм такого движения в рамках системы языка; она обусловлена возможностями системы структурировать категории с использованием разных языковых средств, в том числе и отмеченных специфическими признаками. Рассмотрение языковых фактов немецкого языка с точки зрения специализации грамматических средств оправдано в качестве попытки выделить в строе немецкого языка зоны взаимодействия и пересечения категориальных значений с конкретными ресурсами и специфическими свойствами грамматического строя как целостного конструкта.

Если рассматривать современный немецкий язык с точки зрения своеобразия организации отдельных участков его грамматического строя (в терминах В. Г. Адмони, как системы отношений и системы построений), существенным образом отличающихся в сопоставительном плане от выражения некоторых языковых категорий в других языках, в частности, в русском, то обнаруживаются довольно отчетливые особенности в использовании некоторых грамматических средств языка в направлении

¹ Автор статьи осознает меру уязвимости понятия «этнический» в научных дискурсах разных эпох и направлений (РАДЧЕНКО 1997; От лингвистики к мифу 2013; ДОБРОВОЛЬСКИЙ 2013; и др.), но считает своевременным попытаться освободить данный термин от негативных коннотаций ввиду его реальной актуальности и востребованности во множестве современных этноориентированных научных дисциплин.

их специализации как маркеров, указывающих на категориальный характер этого процесса в немецкой грамматике. С определенной долей уверенности к группе этих явлений в немецком языке могут быть отнесены феномены, представленные на разных участках системы и имеющие самостоятельную значимость как специфические грамматические ресурсы, которые отличаются в современном немецком языке в известной степени уникальными свойствами с точки зрения их участия в маркировании некоторых функций категориального порядка, например, безличности с помощью элемента *es*, чужой речи посредством форм конъюнктива I, модальности на базе модальных глаголов, гендерности в ее специфическом оформлении, а также другие явления; см. (БАБЕНКО 2022б; КОСТРОВА 2023: 194-215).

Наблюдающаяся на разных участках системы языка функциональная специализация грамматических средств представляет собой развитие у грамматической формы категориальных признаков, которые определяют ее (грамматической формы) специфическое положение в системе языка с точки зрения жесткой связи формы с определенной функцией. Такого рода явления располагаются на участках языковой системы, которые отличаются известной уникальностью и допускают трактовку в терминах идиоэтничности (КОСТРОВА & al. 2021: 237-258).

Специализация языковых средств — это одно из проявлений изменений в языке, которые происходят в том числе и своеобразно влиянию внешних факторов; при этом развитие идет на базе тех потенций, которые существуют в самом языке (КУССЕ & ЧЕРНЯВСКАЯ 2019). Об идиоэтнической маркированности процессов специализации грамматических ресурсов немецкого языка целесообразно говорить с опорой на понятие национально-специфических характеристик языка, которые формируются благодаря коммуникативному и социальному опыту на базе знаний о текстовых (в широком смысле слова) структурах. Косвенным подтверждением реальности существования явлений в языке с идиоэтническими характеристиками можно считать тот факт, что именно эти особенности строя немецкого языка являются источником ошибок для изучающих немецкий язык как иностранный.

Рассмотрение грамматических феноменов немецкого языка в аспекте идиоэтничности их свойств имеет множество точек пересечения с интересом современной лингвистики к проблемам лингвоспецифичности (или этноспецифичности) единиц языка, которые развиваются в работах, «ставящих целью реконструкцию языковой картины мира и ее соотнесение с особенностями культуры, обслуживаемой этим языком» (ШМЕЛЕВ 2011: 21). Особенно интенсивно изучается лингвоспецифичность лексических единиц (ЗАЛИЗНЯК 2015; FÖLDES 2019).²

Идиоэтничность, как и лингвоспецифичность — свойство по своей природе компаративное (ЗАЛИЗНЯК 2015: 685). Оно обнаруживается в процессе сравнения двух и более языков и осознается самими носителями языка в малой степени. Поэтому источником сведений о своеобразии языковых единиц могут служить с достаточным на то основанием описанием, выполненные с учетом данных другого языка.

Идея трактовать специфические явления языка в аспекте идиоэтничности стала в последние годы со всей очевидностью осваиваться отечественной германистикой с опорой на накопленный материал лингвокультурного профиля, правда, с еще довольно робкими выходами в область грамматики (ЗЕЛЕНЕЦКИЙ & НОВОЖИЛОВА 2003; КОСТРОВА & al. 2021), хотя трактовка некоторых грамматических явлений немецкого языка по сути уже была заложена в грамматиках, выполненных отечественными германистами с интуитивно неизбежным учетом своеобразных черт родного для них русского языка.

Идиоэтнический профиль в неявной форме обнаруживается в такой широко обсуждавшейся в советском языкознании 50-х гг. проблеме, как внутренние законы развития языка. Грамматический строй языка как целостное образование рассматривался в трудах отечественных германистов как результат действия внутренних закономерностей (законов), определяющих

² В трактовке А. А. Зализняк, лингвоспецифической называется лексическая единица, заключающая в себе «уникальную концептуальную конфигурацию, то есть такую, которая “в готовом виде” не представлена ни в какой языковой единице других языков» (ЗАЛИЗНЯК 2015: 684-685).

общее направление развития системы. Выявление этих закономерностей лежало в том числе и в области изучения диалектов, которые демонстрировали последовательное, иногда даже опережающее письменные формы языка развитие грамматических форм и их этноспецифической природы (ДЕСНИЦКАЯ 1991).

В данной статье предпринимается попытка ответить в общей форме на некоторые вопросы, которые не исчерпывают заявленную проблематику, но могут дать представление о направлении в изучении грамматического строя немецкого языка с акцентом на присущую ему специализацию средств выражения категориально значимых явлений: насколько оправдано выделение идиоэтнических явлений в грамматике, как фиксируется идиоэтничность языковых единиц и каковы признаки идиоэтничности, существует ли мера определения идиоэтничности явлений языка.

Если конструировать идиоэтнические свойства немецкого языка, опираясь на языковые сущности, представленные в грамматике, то в качестве параметров лингвоспецифичных явлений целесообразно считать не уникальные феномены типа конъюнктив I в кулинарных рецептах или выражение приказов, а случаи серийной (фронтальной) специализации грамматических ресурсов языка для выражения категориальных значений, которые отличаются своеобразием использования некоторых профильных для данного языка свойств. Такого рода параметры идиоэтничности могут быть с той или иной степенью отчетливости выделены, например, в рамках описания «трудностей перевода» с немецкого языка на русский или в практике изучения немецкого языка как иностранного, что диагностируется на определенных участках грамматики — в зонах наибольших структурных и семантических расхождений между языками, которые представляют собой сигналы «инаковости» языкового отображения категориальных значений.³

³ Весьма симптоматичным с точки зрения проявления идиоэтничности можно считать описание частицы *es* в *Большом немецко-русском словаре* Д. О. Добровольского, которое сопровождается такими комментариями: «заменяет повторяющийся предикатив; *не переводится*»; «формальный объект; *не переводится*»; «в функции формального подлежащего; *не переводится*»; «начинает предложение при пере-

3. Конструкции с элементом *es* как идиоэтнический феномен

3.1. Прономинальная природа элемента *es* и его связь с категорией безличности

Элемент *es*, исконно представляющий собой местоимение среднего рода, демонстрирует в немецком языке исключительные свойства, которые с трудом поддаются описанию в рамках традиционных подходов к грамматическим явлениям. Процесс десемантизации прономинальной единицы *es* определил появление у нее существенных отличий от фемининной и маскулинной форм личного местоимения 3 л. ед. ч. *sie* и *er*, которые имеют прямую связь с именами (номинативными единицами); по сравнению с ними *es* не проявляет прототипических свойств личного местоимения, а, напротив, отличается особым характером референтности и исключительной многофункциональностью, которая продолжает оставаться в германистике предметом дискуссий, а также многочисленных попыток разработать новые подходы к определению особого статуса элемента *es* в немецкой грамматике (KRETSCHMAR 2006).⁴

Десемантизация личного местоимения среднего рода *es* и превращение его в формальный субъект, пригодный для использования в разных конструкциях, была, по-видимому, обусловлена не только особыми свойствами самого «словечка» *es*, но целым рядом факторов — морфосинтаксических, структурных, топологических, прагматических и стилистических (DOVAL 2011). Выявление этих факторов и установление сложной связи между ними является весьма актуальной для немецкой грамматики проблемой со всеми свойственными ей проекциями в область этноспецифики.

Безличные конструкции в языках номинативного строя (немецкий, английский — в отличие от латыни, испанского, итальянского, где субъект может оставаться в предложении не-

мещении подлежащего за финитный глагол; *не переводится*»; «в катфорической функции; *не переводится*» (БНПС 2008: 882).

⁴ «Наборы» синтаксических употреблений *es*, не связанные с исконно первичной (местоименной) функцией *es*, отличаются в научной литературе степенью своей дифференцированности: от трех (ZIFONUN 1997: 38) и пяти (EISENBERG 1986: 184-186) до 12 (ADMONI 1976: 219-222) позиций.

выраженным) представляют собой тип синтаксического построения предложения, в котором присутствует элемент *es* как *dummy subject* (*es regnet*). Он не обладает референциальными свойствами, а является чисто синтаксическим, семантически пустым аргументом (DOVAL 2011: 228).

Специфическим свойством грамматического строя немецкого языка является связь категории безличности с элементом *es*, который участвует по большей части на постоянной основе в конструировании безличных высказываний и является маркером семантики безличности в ее многообразных проявлениях (РЕВЗИН 2007; DOVAL 2011; БАБЕНКО 2022а). При этом элемент *es* выступает универсальным языковым средством выражения отвлеченного характера глагольного действия, не соотносительно непосредственно с самим субъектом действия.

3.2. О функциональной активности *es*-конструкций в текстах разных типов

Обращает на себя внимание принципиальная возможность «каскадного», а не только единичного использования конструкций с *es* в текстовых фрагментах разных жанровых форм,⁵ что позволяет говорить о глубине проникновения данного элемента в грамматическую систему немецкого языка как устойчивого фактора построения высказываний с присущими им лингвоспецифическими свойствами.

*Es wölkt sich über mir —
Der Mond verbirgt sein Licht —
Die Lampe schwindet — Es dampft! — Es zucken rote Strahlen
Mir um das Haupt — Es weht
Ein Schauer vom Gewölb herab
Und fas(s)t mich an!* (GOETHE 1974: 156)

Клубятся облака,
Луна зашла,
Потух огонь светильни.
Дым! Красный луч скользит

⁵ Это явление как специфический феномен текстовой структуры немецкого языка впервые стало предметом анализа в статье Адмони, посвященной «употреблениям» (*Gebrauchsweisen*) прономинальной формы *es* (ADMONI 1976).

Вкруг моего чела.

А с потолка,

Бросая в дрожь,

Пахнуло жутью замогильной! (пер. Б. Пастернака)

В приведенном фрагменте поэтического текста элемент *es* многократно выступает сигналом обезличенности действия и неопределенного характера референтной ситуации. Многократное использование *es* в пределах одного фрагмента текста является естественным явлением и для нарративов в прозе:

Es verging eine kleine Weile, Gregor lag matt da, ringsumher war es still, vielleicht war das ein gutes Zeichen. Da läutete es (КАФКА 1993: 40). 'Прошло несколько мгновений. Грегор без сил лежал на столе, кругом было тихо, возможно, это был добрый знак. Вдруг раздался звонок'.

В немецкой языковой культуре отмечается возможность многократного использования элемента *es* в высказываниях, содержащих отвлеченные, афористические суждения:

Es wird einem nichts erlaubt, man muß es nur sich selber erlauben; dann lassen sich's die andern gefallen oder nicht (Mit Goethe 2008: 6). 'Не ждите никаких разрешений, человек должен только сам себе что-то разрешать, и тогда уже другим судить, нравится это или нет'.

Существенную роль элемент *es* играет в текстообразовании, если принять во внимание специфическое для немецкого языка конструирование инициальных фрагментов некоторых нарративов (например, зачин в сказках), а также во многих других случаях, когда речь идет об открытии в повествовании новой топикальной темы или уточнении обстоятельств действия в формате обезличивания:

Einmal, *es* war wohl schon ein Monat seit Gregors Verwandlung vergangen, und *es* war doch schon für die Schwester kein besonderer Grund mehr, über Gregors Aussehen in Erstaunen zu geraten, kam sie ein wenig früher... (КАФКА 1993: 33). 'Однажды — со дня случившегося с Грегором превращения минуло уже около месяца, и у сестры, следовательно, не было особых причин удивляться его виду — она пришла немного раньше обычного...'

Unser Ziel ist *es*, den Ausfall des russischen Gases im kommenden Jahr komplett zu kompensieren. Im Frühjahr hatte uns niemand zu-

getraut, dass wir *es* in diesem Winter schaffen würden, ohne Gaslieferungen aus Russland zurechtzukommen. Mit großen Anstrengungen ist *es* uns gelungen... (Süddeutsche Zeitung 2022: 291, 2).

Es-конструкции как носители категории безличности, обладающие в немецком языке особым набором семантических свойств и структурных способов их выражения, отличных, например, от русского языка, весьма разнообразно представлены в разговорных формах языка (ADMONI 1976), в том числе в нарративах на бытовые темы:

Ach, der Liebeskummer. Das ist so eine Sache. *Es* tut weh. Aber Liebeskummer sollte jeder zulassen. *Es* gibt eben Trauer im Leben, *es* ist okay, traurig zu sein. Traurigkeit und Verlust gehören dazu und wenn man nach einer Trennung einen Liebeskummer hat, dann kann *es* manchmal sein, dass sich das so anfühlt, als wäre jemand gestorben. Aber *es* geht weiter (Süddeutsche Zeitung 2022: 291, 55).

В данном фрагменте, выдержанном в стилистике разговорной речи, имеет место комбинация типичных образований с *es*, которые характеризуются структурной завершенностью при минимуме валентных связей; как текстообразующие сегменты они располагаются в начальной позиции высказываний, выражая своей безличной формой переходы от одного суждения к другому: *es* tut weh, *es* gibt, *es* ist okay, kann *es* sein, *es* geht.

Специфика конструктивных свойств «словечка» *es* (по выражению Адмони) проявляется также в том, что его использование в предложении одновременно в разных функциях не является в немецком языке признаком стилистической погрешности. Ср., например, комбинацию прономинального и формального *es* в одном предложении:

E-Mail-Zertifikate sind ein fantastisches Produkt, das *es*₁ noch nicht geschafft hat, allgegenwärtig zu werden, da *es*₂ von vielen E-Mail-Clients noch nicht unterstützt wird. 'E-Mail-сертификаты представляют собой фантастический продукт, который еще не достиг всеобщего признания, поскольку он пока не получил поддержки у множества клиентов' (рекламный текст).

В этом предложении обе функции *es* реализуются предельно отчетливо благодаря конструированию типичных для каждого из них синтаксических связей: для формального *es*₁ синтаксиче-

ски релевантным является наличие инфинитивного оборота после конструкции 'es + глагол широкой семантики schaffen'; для прономинального es₂ релевантна связь с существительным среднего рода das Produkt в предпозиции: es₁ как его субститут выступает синтаксическим субъектом пассивной конструкции.

Очевидная выраженность идиоэтнической специфики элемента es в немецком языке нашла отражение в литературных текстах в виде лингвокультурных рефлексов. Так, М. Кундера в книге *Невыносимая легкость бытия* в одной из глав рассуждает по поводу музыкальных опусов Бетховена на тему, выраженную словами «Es muss sein». Эта тема, возникшая на бытовой почве (речь идет о возврате денежного долга Бетховену и неотвратимости его решения получить эти деньги), приобрела значение метафизического слогана, обозначающего торжественное принятие судьбоносного решения — «должно быть так»: es как субъект высказывания имеет референтную связь с некоторой неопределенной ситуацией, которая предположительно должна наступить.

Из околонаучных публикаций также видно, что в языковом сознании носителей немецкого языка рефлексится факт частого использования элемента es и его особая роль в структуре высказываний разных типов.⁶ Так, А. Тальмайр ссылается на наблюдения авторов немецких грамматик, которые указывают на высокую частотность использования элемента es. Свое понимание валентнозависимого es Тальмайр передает метафорически — der Herr NIEMAND, то есть пустой субъект действия, у которого (действия) нет исполнителя:

Ein bloßer Statthalter, eine Verlegenheitslösung, wenn wir nicht wissen, wen oder was wir für irgendein Ereignis, irgendeine Handlung verantwortlich machen sollen (THALMAYR 2005: 178).⁷

⁶ См. анализ художественного воплощения этой грамматической данности немецкого языка в романе Т. Мана *Избранник*, что также можно рассматривать как свидетельство языковой рефлексии по поводу лингвоспецифики конструкций с es, которые обладают особой семантикой и влияют на синтаксическую форму высказывания (БАБЕНКО 2022а).

⁷ Рефлексия по поводу местоименного слова es обнаруживается в текстах З. Фрейда: субстантивированная форма das Es является обозначением некоей сущности, лишенной какой-либо определенности,

Попытки определить инвариантное значение элемента *es* не противоречат тому факту, что носителями языка осознается существование большого разнообразия конструкций с *es* и неисчерпаемых возможностей конструирования высказываний с этим «словечком» как уникальное свойство немецкого языка. В цитируемой работе приводятся группировки, намеренно хаотичные по своему составу, с конструкциями из области разговорно-речевой идиоматики. Вот одна из таких группировок:

Es ist schon wieder so weit. Es ist zum Heulen.

Es ist eben so. Es wiederholt sich.

Es ist unverständlich. Es ist kein Zweifel.

So ist es so mal. Es ist zu bedauern.

Es ist allerhand. Es bleib, wie es ist.

Es ist, um aus der Haut zu fahren (ibid.: 180)

3.3. Проблемы распределения *es*-конструкций по группам

Реально существующее в немецком языке разнообразие *es*-конструкций со специфическими морфосинтаксическими, семантическими и синтаксическими свойствами является существенным препятствием их систематизации в рамках проблем теоретической грамматики. С большой долей определенности выделению поддаются три группы морфосинтаксически, семантически и структурно сходных явлений. Далее приводится классификация, разработанная И. Доваль (DOVAL 2011: 229-230).

Первую группу образуют безличные (инперсональные) глаголы, обозначающие погодные явления: *blitzen, donnern, dunkeln, föhnen, gewittern, hageln, nieseln, regnen, schneien, reifen*⁸ и т. д., а также личные глаголы, которые при употреблении в переносном значении приобретают признаки безличности: *es friert, es taut, es tröpfelt, es gießt, es dämmert, es zieht, es grünt* и т. д.

Вторую группу образуют конструкции с глаголами, обозначающими физические ощущения: *es juckt, es brennt*.

то есть 'нечто' (THALMAYR 2005).

⁸ Данный семантический тип глаголов составлял уже в древневерхненемецком языке стабильную, но не продуктивную группу, которая постепенно сокращалась в результате перехода безличных глаголов в разряд личных (РЕВЗИН 2007: 227).

Третья группа включает глаголы чувственного восприятия: *es klingelt, es läutet, es kracht, es klopft, es knarrt, es knackt, es raschelt, es rauscht, es scheppert*.

Четвертая группа отличается гетерогенностью своего состава; в нее включаются разные по своей семантике ес-конструкции с обязательным аргументом в виде одной из падежных форм (Akk., Dat., Gen.), предложной группы или предикатива: экзистенциальные конструкции (*es gibt, es hat, es setzt, es bleibt, es bedarf, es fehlt an, es mangelt an*); конструкции, фокусирующие внимание на теме высказывания (*es kommt auf etwas an, es kommt zu, es geht um, es handelt sich um*); обороты речи, выражающие эмоциональные и другие состояния (*es gefällt mir gut, es geht ihnen gut*).⁹

Входящие в выделенные группировки ес-конструкции обладают разной степенью идиоматичности, что, однако, редко обсуждается в научной литературе ввиду их чрезвычайно разнородного характера. Вместе с тем элемент *es* присутствует в составе множества образований с высокой степенью идиоматичности: ср. конструкции *es gilt* 'идет! ладно!', *es eilig haben* 'спешить, торопиться', *es mit jemandem halten* 'быть заодно с кем-то', *es ist Essig* (mit etwas) 'накрыться медным тазом' и др. (БАБЕНКО 2022а).

3.4. О специфике некоторых статусных признаков элемента *es*

3.4.1. Экзистенциальная конструкция *es gibt*

Для языкового сознания немецкоговорящих привычной, частотной, не имеющей отклонений от правил употребления является конструкция, основанная на модели *es gibt* + Akk. активного залога, которая с большой регулярностью используется во всех регистрах речи:

Zum Lernen *gibt es* freilich eine Zeit (Mit Goethe 2008: 54).

Eine Jahreszeit, um keine Geschäfte zu machen, *gibt es* überhaupt nicht, Herr Samsa, *darf es* nicht *geben* (КАФКА 1993: 17).

⁹ Общим признаком этих конструкций является не только обязательность семантически «пустого» элемента *es*, но и конгруэнтность его отношений с глагольным предикатом. Обязательность *es* устанавливается тестовым способом: этот элемент не подлежит замещению другими частями речи (*das, etwas, alles*), также исключается возможность поставить к *es* вопрос.

Bolschaja Dmitrowka ist eine der ältesten Straßen Moskaus, der Kreml ist ganz nah, und die Duma liegt gleich um die Ecke. *Es gibt* hübsche Häuser aus dem 18. Jahrhundert, moderne Boutiquen — und auch ein großes Ärgernis... Auf der Bolschaja Dmitrowka *gibt es* fast keine russischen Wörter (Süddeutsche Zeitung 2022: 291, 1).

Конструкция *es gibt* + Akk. имеет регулярный характер и реализует свой потенциал во всех грамматических формах времени и наклонения актива 3 л. ед. ч. — *es gibt, es gab, es hat gegeben, es gäbe, es wird geben, es kann geben, es würde geben* и т. д. Конструкция *es gibt* служит идеальным средством выражения экзистенциальности, то есть указания на существование объекта и возможности его выделения из соответствующей предметной области (РЕВЗИН 2007: 120). Ее существенным признаком является преимущественное использование неопределенного артикля (также его отрицательной формы *kein*), который выступает маркером данной конструкции и устанавливает естественную связь экзистенциальности с неопределенностью, что также можно отнести к специфическим свойствам грамматики немецкого языка. Аномальность конструкции *es gibt* с точки зрения носителей русского языка заключается сразу в нескольких моментах: в жесткой зависимости друг от друга компонентов *es* и *gibt*, в обязательном использовании неопределенного артикля при существительном в Akk. и в отсутствии согласования глагольной формы *gibt* в ед. ч. для случаев, когда дополнение в Akk. имеет форму мн. ч. Логическим (теоретическим) решением нетривиальной лингвистической проблемы стала интерпретация данного явления отечественными лингвистами, в частности, Л. В. Щербой, для целей обучения немецкому языку в русскоязычной среде: конструкция с начальным *es*, а также безличные обороты и безличный пассив «есть средство превращения двучленного высказывания в одночленное» (*ibid.*: 79). Иначе говоря, речь идет о том, что *es* образует с финитным глаголом единый комплекс. Однако такого рода объяснение *es*-конструкций не вполне согласуется с номинативностью грамматического строя немецкого языка, а безличность связана с выражением специфической семантики предложений, обозначающих «нерасчлененно мыслимые ситуации» (ЗЕЛЕНЕЦКИЙ & НОВОЖИЛОВА 2003: 16). Тем самым конструкция *es gibt* представляет

собой скорее явление, связанное с отклонениями от номинативного типа предложений и даже в широких границах своих реализаций все же приближается к идиоматическим выражениям с экзистенциальным значением «нечто имеет место быть / не быть». Сформулированная в отечественной германистике идея получила поддержку и развитие. По логике вещей целесообразно считать *es gibt* + Akk. конструкцией, наиболее полно выражающей идею экзистенциальности, которая в немецком языке имеет множество смысловых оттенков и способов их воплощения: «существует элемент коммуникативной ситуации, который характеризуется таким-то и таким-то предикатом» (РЕВЗИН 2007: 80).¹⁰

3.4.2. *Es* в начальной позиции

Значительный комплекс вопросов связан с распространенным в немецком языке использованием прономинальной формы *es* в начальной позиции (*Vorfeld-es*) в качестве «формального подлежащего». Данное явление носит довольно регулярный характер, представлено разнообразными «употреблениями», отражает закономерности грамматического строя немецкого языка в отношении порядка слов в предложении, а также их синтаксических и семантических ролей.

(a) *Es ist ein weniger bekanntes Lied aus alten Zeiten* (Frankfurter Allgemeine 2022: 294, 6).

(b) *Es war ganz anders, als das Liegen auf dem Fußboden* (КАФКА 1993: 35).

(c) *Es ist gut, dass man einmal alles tue, was man tun kann, um die Ehre zu haben, sich näher kennenzulernen* (Mit Goethe 2008: 97).

(d) *Es ist eine kluge Arbeitsteilung, dass jemand, der sein Geld mit dem Verkauf von Waffen verdient, nicht gleichzeitig Verteidigungsminister ist* (Süddeutsche Zeitung 2022: 2022, 294, 2).

(e) *Es ist unabdingbar für die Nachbarn, eine stabile und konstruktive Beziehung aufzubauen* (Frankfurter Allgemeine 2022, 294, 6).

¹⁰ Выделение конструкции *es gibt*+Akk. в качестве предмета для обсуждения отмечается прежде всего в зарубежной германистике как явление грамматики во многих отношениях специфическое с точки зрения морфосемантики, лексики, синтактики, а также прагматики.

(f) *Es* war einmal ein Mann, der verstand allerlei Künste (Brüder Grimm 1978: 143).

(g) *Es* ist nicht die erste Raubkatze, der seine Touristengruppe auf ihrer Sambia-Reise begegnete (Süddeutsche Zeitung 2022: 291, 67).

(h) *Es* wird nichts ausgeschlossen und wegen mutmaßlichen Brandstiftung ermittelt (Frankfurter Allgemeine 2022: 294, 9).

Идиоэтническая трактовка этого явления представляется вполне уместной в рамках предпринимаемого в данной статье описания статусных характеристик прономинальной формы *es* и оправданной, если принимать во внимание то обстоятельство, что рассматриваемое явление располагается в зоне весьма дискуссионных проблем немецкой научной грамматики в силу неопределенности и многопрофильности функций *es* в начальной позиции, что довольно трудно поддается логическому объяснению (РЕВЗИН 2007: 74-78; EISENBERG 1986: 183-188).

Начальное *es* наиболее часто используется в конструкциях с существительным в роли подлежащего (a); в конструкциях, где *es* замещает предикатив, представленный в виде прилагательного, изъяснительного предложения, инфинитива и т. п. (b, c, d, e); в формульных зачинах, вводящих повествование (f); в выделительных конструкциях сложноподчиненного типа, которым нет соответствия в русском языке (g); конструкциями с безличным пассивом (h). Важно подчеркнуть, что в немецком языке приведенные «употребления» *es* существуют достаточно автономно, и их природа с большой долей вероятности сводима к такому свойству немецкого языка, которое заключается в устойчивом сохранении и развитии разного рода средств и приемов для выделения зоны, где появляется новая информация — о предмете, о ситуации и т. д. *Es* на первом месте предлагается рассматривать как показатель следующей далее ремы, голый в когнитивном отношении, но сосредоточивающий в себе наряду с указанием на рему и другие коммуникативные значения (РЕВЗИН 2007: 80). Из анализа конструкций с начальным *es* заслуживает внимания наблюдение, согласно которому подобные синтаксические образования являются коммуникативно одночленными, включающими только рему; они обеспечивают тематическое развитие текста, маркируют переходы от одной мик-

ротемы к другой и являются средством создания внешней перспективы, представляющей событие в его целостности как инициальное, вводящее новую информацию и содержащее только рему (АВЕРИНА 2020: 81).¹¹

Прототипически эти явления соотносимы с зачинами, заведительствованными со средневерхненемецкого периода в письменных памятниках эпического или фольклорного характера (PAUL 1954: 71). Согласно Адмони, данные конструкции возникли именно как конструкции, указывающие на существование (Existenzialsatz в терминологии Адмони). В развитие этого наблюдения можно говорить об особой роли в когнитивном отношении признака экзистенциальности в немецком языке и его сопряжении с категорией безличности.

3.4.3. Обязательность / факультативность es как специфическое проявление варьирования

Существование вокруг употребления элемента es зоны проблемных тем является общим местом в работах по грамматике (EISENBERG 1986: 183-187). Обязательное vs факультативное употребление es в речи представляет собой очевидную грамматическую аномалию немецкого языка. Проблема «мерцающего» es не является тривиальной: невозможно логически объяснить, при каких условиях es выступает обязательным элементом высказывания, если не занимает первой позиции в предложении, не входит в состав безличной конструкции или идиоматического выражения. Так, es в постпозиции к финитному глаголу оказывается часто факультативным, если первая позиция занята. Однако после финитного глагола es избыточно, и конструкция может стать аграмматичной, как, например, в случае безличного пассива:

¹¹ Термин «перспектива» по отношению к es удачно использовал Адмони, отмечавший фиктивный характер семантики es, в которой реализуется комплекс признаков: обобщенность, неопределенность и неопределимость (verallgemeinernde — unbestimmte — unbestimmbare — fiktive Semantik): es в зависимости от грамматического окружения может рассматриваться в трех перспективах: субъектной, объектной и предикативной (ADMONI 1976: 222-223).

Es wurde nach der Schule ohne Lehre gearbeitet / Nach der Schule wurde ohne Lehre gearbeitet / *Nach der Schule wurde *es* ohne Lehre gearbeitet.

В других случаях, не связанных с безличным пассивом, проблему облигаторности / факультативности *es* в высказываниях предлагается решать, исходя из контекстуальных условий:

Heute zeigt (*es*) sich, dass das ein Fehler war.

Употребление *es* уместно, если коммуникативно важным выступает предикат и, напротив, при отсутствии *es* акцент ложится на *dass*-предложение (EISENBERG 1986: 187). Таким образом, *es* можно рассматривать в качестве своеобразного оператора, влияющего на расстановку тех или иных акцентов в коммуникативном процессе.

Не поддаются однозначной трактовке случаи употребления *es* в конструкциях, содержащих прономинальный компонент в косвенном падеже при глаголах с семантикой эмоциональных vs психологических ощущений (негативных), типа: *bangen*, *dürsten*, *ekeln*, *frösteln* и т. п., на которые обращается внимание в работе Доваль: на основании корпусных данных она доказала существование в этой группе глаголов широкой вариативности употребления облигаторного / факультативного *es* — 42% высказываний содержат в своем составе *es* (DOVAL 2011: 234).

Es bangt mir davor / mir bangt davor (БНПС 2008: 404).

De Gaulle (ihm) graute *es* vor den Parteien (DOVAL 2011: 233).

Глаголы данной группы, включающей 12 единиц, не обладают большой частотностью, но обнаруживают общность модели их употребления в речи: неноминативный экспериенсер в *Akk.* / *Dat.*, обозначающий живое существо, + глагольный предикат + предложная группа с *vor* + факультативный элемент *es*, который восполняет отсутствие грамматического субъекта.

В исследованиях последних лет отмечается, что проблема факультативного *es* в постфинитной позиции не получила своего развития в грамматиках немецкого языка, она остается неотрефлексированной и самими носителями языка. Считается (*ibid.*: 235), что данная проблема либо не привлекает внимания грамматистов (ZIFONUN 1997: 38), либо рассматривается как проявление некоторой общей тенденции развития (DUDEN

2005: 414), либо сводится к периферийным, не требующим объяснения лексическим явлениям (EISENBERG 1999: 175; ENGEL 1994: 154).¹²

Вместе с тем случаи облигаторного / факультативного употребления *es* в периферийных зонах грамматики безличности представляются заслуживающими внимания, поскольку именно здесь обнаруживаются наиболее сильные колебания, трудные для интерпретации. Отечественные германисты (В. Г. Адмони, О. И. Москальская, А. Л. Зеленецкий, Г. В. Колшанский и др.) обращали пристальное внимание на конструкции типа *es hungert mich / mich hungert*, в которых очевидна необлигаторность *es* при его замещении в первой позиции и невозможность его перемещения в постфинитную зону. При этом отмечается, что устранение субъекта имеет не только грамматический эффект, но и семантический: в случае типа *mich hungert* личное местоимение в косвенном падеже на первой позиции подчеркивает, как можно предположить, факт длительного нахождения фактического субъекта действия в определенном состоянии, тогда как в конструкции с начальным *es* фиксируется происходящее «здесь и сейчас» (КОЛШАНСКИЙ 2005: 80-81).

4. Заключение

Подход к явлениям грамматического строя немецкого языка с позиции идиоэтничности некоторых его свойств имеет ряд очевидных перспектив. Он позволяет обнаруживать в особенностях его строения глубинные связи между исконно присущими языку грамматическими категориями. Внимание к специфическим аспектам строя языка позволяет более отчетливо понять, в чем заключается уникальность реализации универсальных категорий в конкретной языковой среде, где действуют определенные закономерности и тенденции их использования, отмеченные чертами своеобразия возникающих при этом грамматических комбинаций. Специализация проминальной формы *es* в немецком языке является ярким примером уместности идиоэтнической трактовки сложной картины употреблений *es* в

¹² Следует отметить, что нерегулярность использования *es* в разного рода конструкциях была присуща немецкому языку изначально и зафиксирована в древневерхнегерманской письменности.

структуре высказываний разных типов, основанных на фундаментальных для немецкого языка свойствах, которые концентрируются на участках грамматической системы немецкого языка, связанных с выражением неопределенности, фикциональности, безличности, бессубъектности, рематичности, экзистенциальности в сочетании со специфическими топологическими закономерностями. Тем самым в описания грамматического строя немецкого языка, как и любого другого, целесообразно включать сведения о существовании участков в языковой системе, которые допускают их идиоэтническую трактовку.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Аверина А. В.* Структурные модели предложений с внешней перспективой в немецком языке // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Том XVII / гл. ред А. В. Иванов. М.: Флинта, 2020. С. 81—98. [Averina, Anna V. (2020) *Strukturnyye modeli predlozheniy s vneshney perspektivoy v nemetskom yazyke* (Structural Sentence Models with External Perspective in German). In: Ivanov, Andrey V. (ed.) *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), vol. 17. Moscow: Flinta, 81—98. (In Russian)].
- Бабенко Н. С.* Феноменология безличности и ее синтаксические проекции в немецком языке // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022а. № 19. С. 29—49. [Babenko, Nataliya S. (2022a) *Fenomenologiya bezlichnosti i yeyo sintaksicheskiye proyeksii v nemetskom yazyke* (The Phenomenology of Impersonality and its Syntactic Projections in German). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 29—49. (In Russian)].
- Бабенко Н. С.* О процессах специализации некоторых грамматических ресурсов в современном немецком языке // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2022б. № 1 (16). С. 4—19. [Babenko, Nataliya S. (2022b) *O protsessakh spetsializatsii nekotorykh grammaticheskikh resursov v sovremennom nemetskom yazyke* (On the Specialization Processes of some Grammatical Resources in Modern German). *Linguistics and Language Teaching*, 1 (16), 4—19. (In Russian)].

- БНРС — Большой немецко-русский словарь. В 3 т. Т. 1 / под общ. рук. Д. О. Добровольского. М.: АСТ: Астрель, 2008. [Dobrovolskiy, Dmitriy O. (ed.) *Bol'shoi nemetsko-russkiy slovar'* (A Big German-Russian Dictionary). In 3 vols. Vol. 1. Moscow: AST: Astrel. (In Russian)].
- Десницкая А. В. О В. М. Жирмунском — языкеводе (к столетию со дня рождения) // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 5—18. [Desnitskaya, Agniya V. (1991) O V. M. Zhirmunskom — yazykovede (k stolitiyu so dnya rozhdeniya) (About V. M. Zhirmunskiy as a Linguist (On the Centenary of his Birth). *Topics in the Study of Language*, 6, 5—18. (In Russian)].
- Зализняк А. А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа. Материалы ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 27 — 30 мая 2015 г.). Вып. 14 (21). В 2 т. Т. 1 / гл. ред. В. П. Селегей. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2015. С. 683—695. [Zaliznyak, Anna A. (2015) *Lingvospetsifichnye yedinitsey russkogo yazyka v svete kontrastivnogo korpusnogo analiza* (Russian Language-specific Words as an Object of Contrastive Corpus Analysis). In: Selegey, Vladimir P. (ed.) *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii* (Computer Linguistics and Intellectual Technologies). Proceedings of the International Conference “Dialog”, 14 (21), vol. 1, 683—695. (In Russian)].
- Зеленецкий А. Л., Новожилова О. В. Теория немецкого языкознания. М.: Академия, 2003. [Zelenetskiy, Aleksandr L. & Novozhilova, Olga V. (2003) *Teoriya nemetskogo yazykoznaniya* (Theory of German Linguistics). Moscow: Academia. (In Russian)].
- Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: URSS, 2005. [Kolshanskiy, Gennadiy V. (2005) *Sootnoscheniye subyektivnykh i obyektivnykh faktorov v yazyke* (Correlation of Subjective and Objective Factors in Language). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Кострова О. А., Беспалова Е. В., Блинова Ю. А., Омелькина О. В. Немецкий художественный текст: когнитивные и лингвокультурные аспекты. М.: Флинта, 2021. [Kostrova, Olga A.; Bepalova, Yekaterina V.; Blinova, Yuliya A. & Omel'kina, Oksana V. (2021) *Nemetskiy khudozhestvennyy tekst: kognitivnyye i lingvokulturnyye aspekty* (German Literary Text: Cognitive and Linguocultural Aspects). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Кострова О. А. Немецкие направительные наречия в политическом дискурсе // Русская германистика: Ежегодник Российского союза герма-

- нистов. 2023. № XX. С. 194—215. [Kostrova, Olga A. (2023) *Nemetskiye napravitel'nyye narechiya v politicheskom diskurse* (German Directional Adverbs in Political Discourse). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 194—215. (In Russian)].
- Кусце Х., Чернявская В. Е. Культура: объяснительные возможности понятия в дискурсивной лингвистике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. № 16 (3). С. 444—462. [Kuße, Holger & Chernyavskaya, Valeriya Ye. (2019) *Kul'tura: obyasnitel'nyye vozmozhnosti ponyatiya v diskursivnoy lingvistike* (Culture: Explanatory Possibilities of the Concept in Discursive Linguistics). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 16 (3), 444—462. (In Russian)].
- От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности». Сборник статей / сост. А. В. Павлова. СПб.: Anthology, 2013. [Pavlova, Anna V. (ed.) (2013) *Ot lingvistiki k mifu: Lingvisticheskaya kul'turologiya v poiskakh "etnicheskoj mental'nosti"* (From Linguistics to Myth: Linguistic Culturology in Search of "Ethnic Mentality"). Saint Petersburg: Anthology. (In Russian)].
- Радченко О. А. Язык как мирозидание. Лингво-философская концепция неогумбольдтианства. М.: Метатекст, 1997. [Radchenko, Oleg A. (1997) *Yazyk kak mirosozidaniye. Lingvo-filosofskaya kontseptsiya neogumboldtianstva* (Language as World Creation. The Linguistic and Philosophical Concept of Neo-Humboldtianism). Moscow: Metatext. (In Russian)].
- Радченко О. А. SPECULUM VITAE: от функциональной грамматики к идиоэтнической философии языка. Сборник избранных статей. М.: Тезаурис, 2012. [Radchenko, Oleg A. (2012) *SPECULUM VITAE: ot funktsional'noy grammatiki k idioetnicheckoy filosofii yazyka* (SPECULUM VITAE: From Functional Grammar to Idioethnic Philosophy of Language). Moscow: Taurus. (In Russian)].
- Райхман О. Национальный язык как языковедческая категория // От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности». Сборник статей / ред. А. В. Павлова. СПб.: Anthology, 2013. С. 31—48. [Reichmann, Oskar. (2013) *Natsional'nyy yazyk kak yazykovedcheskaya kategoriya*. In: Pavlova, Anna V. (ed.) *Ot lingvistiki k mifu: Lingvisticheskaya kul'turologiya v poiskakh "etnicheskoj mental'nosti"* (From Linguistics to Myth: Linguistic Culturology in Search of "Ethnic Mentality"). Saint Petersburg: Anthology, 31—48. (In Russian)].

- Ревзин И. И. Структура немецкого языка. М: Объединенное гуманитарное издательство, 2009. [Revzin, Ilya I. (2009) *Struktura nemetskogo yazyka* (The Structure of the German Language). Moscow: United Humanitarian Publishing House. (In Russian)].
- Шмелев А. Д. Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарциссизма?» // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 21—33. [Schmelev, Aleksey D. (2011) *Vsegda li nauchnoye izucheniye russkogo yazyka yavlyayetsya proyavleniyem «lingvonartsissizma?»* (Is the Scientific Study of the Russian Language always a Manifestation of “Linguo-narcissism?”). *Political Linguistics Journal*, 4, 38, 21—33. (In Russian)].
- Admoni, Vladimir G. (1976) Es handelt sich um „es“. Zur gegenwärtigen Lage in der Grammatiktheorie. *Wirkendes Wort. Deutsche Sprache in Forschung und Lehre*, Jg. 26, H. 4, 219—227.
- Doval, Irene. (2011) Zur Frage der Grammatikalisierung der unpersönlichen Konstruktionen im Deutschen. *Revista de Filologia Alemana*, 19, 225—246.
- Duden-Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. (2005). Mannheim: Dudenverlag. [7., neu bearb. Aufl.]
- Eisenberg, Peter. (1986) *Grundriss der deutschen Grammatik*. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung.
- Engel, Ulrich. (1994) *Syntax der deutschen Gegenwartssprache*. Berlin: Erich Schmidt Verlag. [3. Aufl.] (Grundlagen der Germanistik, 22)
- Földes, Csaba. (2019) Sprache — Interaktion — Kultur: Ein Beitrag zur Problemdekonstruktion anhand des Paradigmas *Linguokulturologie*. In: Reeg, Ulrike & Simon, Ulrike. (eds) *Facetten der Mehrsprachigkeit aus theoretischer und unterrichtspraktischer Sicht (Interkulturelle Perspektiven in der Sprachwissenschaft und ihrer Didaktik)*, 8. Münster; New York: Watmann, 85—115.
- Kertschmar, Franziska. (2006) *Zum expletiven und pronominalen es im Deutschen. Syntaktische, semantische und varietätenspezifische Aspekte*. Magister-Hausarbeit im Fach Deutsche Sprache und Literatur im Fachbereich Germanistik und Kunstwissenschaften der Philipps-Universität Marburg. Retrieved from http://linguistics.buffalo.edu/people/faculty/vanvalin/rrg/MA_Kretzschmar.pdf.
- Paul, Hermann. (1954) *Deutsche Grammatik*. Bd. III. Teil IV. Halle: Max Niemeyer Verlag.
- Thalmayr, Andreas. (2005) *Heraus mit der Sprache. Ein bisschen Deutsch für Deutsche, Österreicher, Schweizer und andere Aus- und Inländer*. München: Carl Hanser Verlag.

Zifonun, Gisela; Hoffmann, Ludger & Strecker, Bruno. (1997) *Grammatik der deutschen Sprache*. 3 Bde. Berlin; New York: de Gruyter. (Schriften des Instituts für deutsche Sprache, 7)

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

Brüder Grimm. (1979) *Die Kinder- und Hausmärchen*. Berlin: Der Kinderbuchverlag.

Frankfurter Allgemeine Zeitung, 2022, 294. Retrieved from <https://www.faz.net>.

Goethe, Johann Wolfgang. (1974) *Faust. Eine Tragödie*. In: *Goethes Werke in 12 Bdn*. Bd. 4. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag.

Kafka, Franz. (1993) *Die Verwandlung*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.

Mit Goethe durch das Jahr. (2008). Düsseldorf: Patmos Verlag.

Süddeutsche Zeitung, 2022, 291. Retrieved from <https://www.sueddeutsche.de>.

Nataliya S. Babenko

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

The Grammatical Structure of the German Language

from the Perspective of Constructing the Idioethnicity of its Properties

Modern linguistic knowledge in many aspects refers to ethnoethnicity in its various perspectives, which are of interest in ethnolinguistics, ethnocultural studies, ethnosociolinguistics, ethnopsycholinguistics, etc. Idioethnicity is not a universally accepted and widely used term, however, its relevance is undoubted against the background of the new wave of interest to the linguistically specific phenomena of different languages not only from the angle of linguoculturology as an independent scientific discipline (especially within the framework of the national Russian school of linguistics), but also grammar theory and practice, having as a direct object of study the structural resources of language in its idioethnic specificity. The phenomena of language idioethnicity are considered not from the position of linguoculture, with its emphasis on the excessive ideologization of language and culture dependence, but in the context of the study of the unique features of German grammar structure, which have been formed in the course of its historical development and are actualized in its present state. The author examines the specific features of German grammar structure, connected with the use of the element *es* in the structure of statements of different types. The article presents the experience of ethnolinguistic interpretation of the specifics of the category of impersonal-

ity, the main grammatical indicator of which is the element *es* of pronominal origin with null reference in the content, which is a unique in its kind resource of the German grammar and is characterized by the universal nature of the use in speech practices. The article draws attention to the wide presence of the element *es* in the structure of different types of utterances and to the problem areas of studying the categorical properties of impersonality in German as a phenomenon of idioethnic nature.

Keywords: grammatical structure of language; idioethnicity of language phenomena; phenomenology of impersonality; *es* as a pronominal form; typology of *es*-constructions

Для цитирования:

Бабенко Н. С. Грамматический строй немецкого языка с позиции конструирования идиоэтничности его свойств // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 15—39.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-15-39.

To cite this Article:

Babenko, Nataliya S. (2023) Grammaticheskiy stroy nemetskogo yazyka s pozitsii konstruirovaniya idioetnichnosti yego svoystv (The Grammatical Structure of the German Language from the Perspective of Constructing the Idioethnicity of its Properties). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 15—39. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-15-39.

Статья поступила в редакцию 27.04.2023; принята к публикации 25.05.2023
The article was submitted 27.04.2023; accepted for publication 25.05.2023